

Лань Сяочуань абсолютно не понимал, как его вообще умудрились разоблачить, и ему оставалось лишь признаться:

— Подчиненный ни в коем случае не имел умысла обманывать Императора.

Лань Сяочуань немедленно опустился на колени и заискивающе заговорил:

— Сегодня у подчиненного был выходной, и он никак не ожидал встретить Императора за пределами дворца. Сначала я не узнал Императора и не смог обеспечить должную охрану, поэтому прошу Императора о снисхождении.

Сердце Лань Сяочуаня отчаянно колотилось от напряжения. Он знал, что провести Чао Чимина не удастся, и был вынужден падать ниц, вымаливая прощение.

— Ты еще стоял и безучастно смотрел, как я сражаюсь с убийцами, — тут же припомнил Лань Сяочуаню его грешки Чао Чимин.

— Разве подчиненный не порешил на том, что просто не узнал Императора? — Лань Сяочуань поднял голову и тихонько пробормотал, в его красивых глазах читалось легкое несогласие. Если бы тогда он знал, что человек, которого преследуют, — это Чао Чимин, он бы непременно защитил его ценой собственной малюсенькой жизни.

Чао Чимин взгляделся в эти влажные глаза — во взгляде плескалась абсолютная искренность.

Лань Сяочуань — его Теневой страж, он и должен хранить ему верность до конца дней. Разве не это входило в его прямые обязанности?

— Ты еще заявлял, будто тебя зовут Цзян Сяочжоу.

Чао Чимин заранее ознакомился с досье: этого парня черным по белому звали Лань Сяочуань, а он посмел водить его за нос!

— Подчиненный... подчиненный не со зла, — заикаясь, произнес Лань Сяочуань. Он украдкой свел ноги вместе и с опаской покосился на Чао Чимина. Разве он не боялся, что Император потом припомнит ему все грешки? Хотя сейчас, когда его поймали с поличным, это оказалось едва ли лучше, чем признаться на месте — глядишь, за чистосердечное признание полагалось бы смягчение наказания?

— А ты знаешь, какое это преступление?

— Знаю. Преступление против государя, — Лань Сяочуань скривился в плачевной гримасе, уголки его красивых миндалевидных губ чуть дрогнули, а глаза покрылись влажным блеском.

Вся дрожа, он поднял взгляд на правителя и лихорадочно соображал: поможет ли сейчас кинуться в ноги и взмолиться о пощаде? Он знал нрав Чао Чимина — мольбы о пощаде сделали бы его участь лишь плачевнее, а потому лишь испуганно сжался: — Прощу Императора покарать меня.

— Хм, а ведь ты еще видел меня с короткой стрижкой. Знаешь ли, в этом мире еще никто не видел меня коротко остриженным, потому что те, кто видел, уже мертвы.

Чао Чимин продолжал перечислять прегрешения Лань Сяочуаня, и у него даже проснулся интерес — он неспешно обошел Лань Сяочуаня кругом.

Он никак не ожидал, что человек, повстречавшийся ему сегодня после полудня, окажется его собственным Теневым стражем. И хотя обман со стороны стража сильно его разозлил, сейчас этот самый страж стоял на коленях прямо перед ним — от этого ощущения веяло странным, пьянящим удовлетворением.

— Как же так вышло, что их так мало?

Лань Сяочуань медленно-медленно выудил из-за пазухи закладную на дом, а вместе с ней на свет божий появились шестнадцать медных монет.

Словно забавляясь, правитель бросил взгляд на Теневого стража:

— Смертной казни удастся избежать, но от телесных... кхм, от личного наказания не уйти. Пожалуй, в качестве штрафа ты сдашь мне все свое жалованье.

Чао Чимин глянул на Теневого стража, словно не веря, что в кошельке могло остаться всего шестнадцать медяков:

— А где остальное жалованье? — низким голосом осведомился он.

— Подчиненный договорился с главным евнухом: даже Теневым стражам дозволено покидать дворец. Подчиненный... подчиненный просто от скуки немного передохнул снаружи, я бы ни за что не стал пренебрегать службой! — с жаром выпалил Лань Сяочуань.

Чао Чимин протянул руку и сам вытащил из-за пазухи закладную, заодно извлеки и те самые шестнадцать монет.

— Ладно, хорош бить лбом пол, я и не собирался тебя казнить, — с усмешкой произвел Чао Чимин. Он просто решил немного попугать парня, желая выяснить, что он за птица, но никак не ожидал, что тот самый ночной гость, что согревал ему ложе минувшей ночью, и есть его Теновой страж. Какое совпадение.

— Хм, — Чао Чимин стрельнул глазами в сторону Лань Сяочуаня, но на душе у него заметно полегчало. Во дворец он сегодня не вернулся бы вовремя не только оттого, что заскучал в четырех стенах — конечно, тайком он провернул кое-какие дела, вот только никак не ожидал, что его станут преследовать остатки прежней династии, и уж тем более не думал отыскать собственного Теневого стража в каком-то захудалом домишке.

— Я так и знал, что Император самый лучший! — радостно воскликнул Лань Сяочуань. — Император — самый-самый милосердный государь на свете!

— Потратил... все потратил... — честно признался Лань Сяочуань, скорчив такую кислую физиономию, будто боялся, что Чао Чимин прямо сейчас заставит его расплачиваться.

— С какой стати тебя вообще понесло за пределы дворца? — поинтересовался Чао Чимин.

Заметив, как Лань Сяочуань съежился в комок, Чао Чимин наконец не выдержал, подался вперед и перехватил его за руки.

— Ты еще и дом в Столице прикупил? — Чао Чимин просто не верил своим ушам. Какой-то мелкий Теновой страж умудрился обзавестись собственным гнездышком в Столице! Земля здесь стоила баснословных денег, и обычному стражу, даже работай он в поте лица и не питаясь ни крошкой, потребовалось бы лет пять или шесть, чтобы скопить на столь крошечную лачугу.

Поплатиться головой только за то, что увидел чужие короткие волосы — это же просто нелепость какая-то!

— Прошу Императора помиловать меня ради моей преданности.

От страха у Лань Сяочуаня широко распахнулись глаза: его черные, словно виноградные зерна, зрачки выражали такую тревогу, будто он был перепуганным зайчонком.

— Подчиненный... подчиненный клянется, что никому ни слова не скажет.

— А днем-то держался весьма гордо!

— Поднимайся, на этот раз я тебя прощаю, — с видом великодушного благодетеля, которому положено кланяться в ножки, изрек Чао Чимин.

— Ни... ничего не осталось, — Лань Сяочуань был близок к слезам. Жалованье у Теневых стражей было немаленьким, но Лань Сяочуань спускал абсолютно все на поиски нужных людей. На личные расходы ему оставалось лишь жалких десять монет в месяц, а порой приходилось докупать целебные мази — так серебро утекало сквозь пальцы, и накопить хоть что-нибудь никак не удавалось.

— Ой-ой-ой... — едва запаниковав, Лань Сяочуань тут же покраснел вокруг глаз, и если взглядеться, в них уже стояла пелена влажной дымки.

Лань Сяочуань тут же перестал бить поклоны — как же больно, на лбу наверняка красовалось огромное красное пятно! Он поднял глаза, полные слез, но все же сдержал рыдания.

Ему было так жалко расставаться с нажитым, что сердце обливалось кровью. Его движения сделались до того заторможенными, будто само время замедлило ход.

— Где закладная? — прищурился на стража Чао Чимин.

— Но... но ведь нигде не написано, что Теневым стражам возбраняется обзаводиться собственным жильем? — запинаясь, выдавил Лань Сяочуань. Его красивые брови сошлись на переносице в тугой узел: он страшно боялся, что разгневанный повелитель в один миг пустит его в расход. Сейчас его крошечная жизнь всецело зависела от воли монарха, оставалось лишь действовать предельно осторожно.

— Слушай сюда: половина твоего домишка конфискована в мою пользу, но... ты сможешь отработать и выкупить его обратно, — свирепо бросил Чао Чимин.

Лань Сяочуань остолбенел. Он с неверием уставился на Чао Чимина — эти деньги достались ему таким трудом! Что значит «конфискована половина»? Не станет же он рубить дом мечом пополам?

— В наказание за сегодняшнее тягчайшее преступление против меня и дерзость в попытке меня обмануть, я забираю в казну половину твоего жилища.

— Право пользования той половиной переходит ко мне. Разумеется, время от времени я буду наведываться туда погостить.

Лань Сяочуань с недоумением уставился на Чао Чимина: разве у Императора, при всем его положении, есть свободное время на побег из дворца?

Словно разгадав мысли Лань Сяочуаня, Чао Чимин с серьезным видом заявил:

— Если уж ты умудряешься сбежать из дворца, то как твой господин я тем более могу себе это позволить, — сухо бросил он.

На самом деле он выбирался наружу едва ли не каждые три дня. Правда, покидал дворец тайком — порой даже Теневые стражи оставались в неведении, а вместо него во внутренних покоях оставался лишь искусный двойник из числа тайной стражи.

— А можно... можно закладную оставят у меня на хранение? — Лань Сяочуань не сводил глаз с бумаги, едва не захлебываясь слезами.

— Ни за что, — Чао Чимин спрятал документ.

Он внимательно оглядел стоявшего рядом Теневого стража. Тот опустил голову, но было заметно, как безупречна его кожа — белая и прозрачная, словно нежнейший нефрит. Густые черные волосы отливали чудесным блеском; на затылке они были схвачены простой лентой и небрежной волной падали на спину.

Сам он терпеть не мог, когда здешние подданные носили такие длинные шевелюры, но вот распущенные волосы Лань Сяочуаня пришлось ему на удивление по душе.

Услышав, что его драгоценная закладная отобрана, Лань Сяочуань мгновенно наполнил глаза слезами, едва не разревевшись в голос. Впрочем, он вовсе не притворялся — его слезные железы просто работали слишком исправно, и справиться с этим потоком обиды было выше его сил. Лань Сяочуань вылупил на Чао Чимина покрасневшие, как у кролика, глаза.

— И... и ты уже ревешь? — помолчав добрую минуту, Чао Чимин растерянно уставился на искренне расплакавшегося парня. — Перестань! Я же не навсегда ее забираю! — грозно прикрикнул он.

— Правда? — слезы разом высохли. Во всем была виновата слишком бурная слезная железа: стоило столкнуться с малейшей несправедливостью, как плач начинался сам собой, помимо воли. Лань Сяочуань осоловело моргал распухшими глазами, глядя на Чао Чимина.

— Тебе придется выкупать ее за деньги.

— Но... но жалованье такое маленькое, мне придется горбатиться еще три года, чтобы накопить на этот дом! — Лань Сяочуань снова запаниковал, его голос прерывался на полуслове.

— Ну хорошо, давай так: отныне ты неотступно следуешь за мной. Куда я из дворца — туда и ты. Раз уж возле меня вечно некому позаботиться, а готовишь ты превосходно, то будешь стряпать для меня. Если справишься хорошо — через год верну тебе закладную, — милостиво изрек Чао Чимин, которому явно доставляло удовольствие наблюдать за калейдоскопом эмоций на лице стража.

— Л-ладно, — обиженно кивнул Лань Сяочуань. Ради возвращения своего дома он был готов на все — ему ведь еще предстояло в будущем завести жену.

— С этих пор ты — мой личный Теневой страж. Поутру будешь готовить мне парадное одеяние, в полуднях — подавать обед, а по вечерам — заблаговременно согревать мое ложе, —

продолжил перечислять его обязанности Чао Чимин.

Но разве он и так не занимался всем этим изо дня в день?

— Слушаюсь, — отозвался Лань Сяочуань.

На душе у него наконец отлегло.

— Чего стоишь? Живо ступай приводить в порядок одежду, — велел Чао Чимин.

Лань Сяочуань мысленно взвыл: «Ой-ой-ой!»

Он шагнул в опочивальню императора.

Покои поражали воображение своими размерами: они делились на переднюю залу и жилую часть, где посреди просторной комнаты стояла огромная кровать, скрытая от посторонних глаз цветастыми ширмами и шелковыми пологам.

Лань Сяочуань подошел ближе и замер с отвисшей челюстью: весь пол был усеян одеждой. Наряды самых разных фасонов и расцветок бесстыдно валялись под ногами, преграждая проход.

Погодите-ка, когда он уходил отсюда сегодня утром, такого бардака здесь и в помине не было! Откуда же за день на полу набралось несколько десятков одеяний?

Все вещи валялись помятыми комками. Страшно было представить, сколько лун хозяин этих покоев не достаивался заглянуть в свой гардероб.

Смирившись со своей участью, Лань Сяочуань принялся сортировать одежду: верхние халаты сложил в стопку ближе к краю, нательные белые сорочки — на самое дно, пять парадных комплектов для утренних выходов к министрам аккуратно поместил вместе, а исподнее убрал на нижнюю полку.

Некоторые вещи на полу явно требовали стирки; сложив их в плетеную корзину, он позвал евнуха и приказал забрать грязное белье.

Закончив с этим, Лань Сяочуань переоделся в облегающие черные одежды Теневого стража с узкими рукавами. Заметив, что Чао Чимин по-прежнему находится в Императорском кабинете, он привычным движением взмыл на потолочную балку.

— Спускайся вниз, — раздался снизу голос Чао Чимина.

Поняв, что обращаются именно к нему, Лань Сяочуань бесшумно соскользнул с балки, опустился на одно колено перед правителем и вопросительно поднял голову.

— Отныне ты будешь нести службу при мне, — объявил Чао Чимин.

Лань Сяочуань согласно кивнул: охранять императора казалось делом плевым, не требующим особого напряжения ума.

Вскоре Чао Чимин управился со всеми делами. Зимнее солнце садилось рано, ночь спускалась на землю быстро, принося с собой промозглую сырость.

На императорском столе евнухи уже расставили изысканные блюда. Чао Чимин уселся за трапезу, а Лань Сяочуань замер неподалеку, ожидая, когда государь насытится, чтобы наконец отправиться ужинать на задний двор — оставалось лишь надеяться, что еда там еще не успела полностью остыть.

<http://bllate.org/book/21016/2136511>